

Ветрова М.В.

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ ОЧЕРКА БОРИСА ЗАЙЦЕВА «ВАЛААМ»

(книга «Валаамский монастырь и его подвижники»)

За последние годы изучение духовных истоков русской литературы, ее православной основы, стало одним из ведущих направлений отечественного литературоведения. В этом русле в большинстве случаев рассматривается и эмигрантское творчество Бориса Зайцева. Однако исследователей зачастую занимает идейное содержание произведений; поэтика остается в стороне. Вместе с тем, именно изучение поэтики эмигрантской прозы писателя в сопоставлении с поэтикой древнерусской и церковной литературы представляет особый интерес. К этой проблеме неоднократно обращались в своих работах Е. Воропаева, А. Любомудров [3; 4; 5] и другие ученые. Тем не менее, поэтика прозы Зайцева остается на данный момент малоизученной, что делает исследование в этой области, несомненно, актуальным.

Цель статьи – доказать, что книга «Валаамский монастырь и его подвижники» является одним из источников очерка Б. Зайцева «Валаам» и определить некоторые принципы поэтики писателя.

Данная цель предполагает следующие задачи:

1. На основе сравнения текстов установить влияние книги на создание очерка.
2. Выявив сходства и различия между текстами, определить некоторые принципы поэтики Б. Зайцева.

В эмигрантский период творчества Борис Зайцев неоднократно обращался к жанрам церковной литературы, таким как жития и хождения. Агиографический и паломнический жанры были для писателя высокими образцами художественного творчества. Некоторые особенности поэтики церковной литературы автор перенимает и использует при создании собственных произведений. Кроме этого, жития и паломнические описания были для писателя источником сведений об интересующих его святых и монастырях.

Как известно, Зайцев стал автором целого ряда нежитийных очерков; им были созданы также две книги очерков о православных монастырях – «Афон» и «Валаам». Работая над этими произведениями, писатель серьезно и глубоко изучает историческую и церковную литературу. Зайцев излагает только реальные факты, не допуская вымысла и лишь иногда позволяя себе высказать то или иное предположение, но всегда делает это очень осторожно.

В некоторых случаях писатель сам указывает на источники, к которым он прибегал. Например, в примечаниях к очерку «Преподобный Сергей Радонежский» он называет использованные им историографические и агиографические труды – «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» Е. Е. Голубинского, «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» иеромонаха Никона. Но в основу своей книги, как доказывает А. М. Любомудров, писатель положил труд иеромонаха Никона [4, с. 270]. Сопоставив два варианта жития преподобного

Сергия, исследователь приходит к выводу, что «текст Зайцева представляет собой более или менее значительное переложение, обработку текста Никона. Иногда тексты почти совпадают» [Там же]. Вместе с тем, Зайцев с неповторимой, только ему присущей художественной чуткостью создает «образ смиренного старца» [4, с. 273], что отличает очерк писателя от труда Никона.

В августе 1935 года Зайцев совершил поездку на остров Валаам, где провел девять дней. Результатом этого путешествия стал очерк «Валаам», вышедший в свет в 1936 году. Очерк содержит не только личные впечатления писателя о монастыре, но и сведения по истории обители. Достоверно неизвестно, откуда Зайцев черпал информацию о прошлом Валаама, но осмелимся предположить, что одним из источников стала книга «Валаамский монастырь и его подвижники», изданная изданием самого монастыря (3-е издание вышло в 1903 году), которую писатель мог найти в монастырской библиотеке.

В этой книге содержатся сведения о всех сторонах жизни обители. Во вступлении, которое представляет собой «Географический очерк Валаама», подробно описывается местоположение монастыря, природно-климатические особенности, флора и фауна. Здесь же помещены рекомендации, «каким путем удобнее достигнуть Валаамского монастыря» [1, с.10]. Описание географии завершается лирическим отступлением о своеобразии и величественности природы острова, где автор не скупится на риторические приемы и словесные украшения: «Хороша весна на Валааме, одетая зеленью лесов и садов!» [1, с.14].

Первая и вторая главы книги посвящены истории обители. В них обстоятельно излагаются сведения о возникновении и утверждении монастырской жизни на Валааме. В третьей главе завершается повествование об устройстве обители и содержатся биографии настоятелей Валаама, кроме этого, подробно рассказывается об уставе игумена Назария. В этих главах стиль меняется в зависимости от предмета изображения: например, когда автор знакомит читателей с различными версиями о времени возникновения монастыря, манера изложения приближается к историографической традиции. Если же речь идет о ком-либо из святых, подвизавшихся на острове, то стиль укладывается в рамки агиографических канонов.

Четвертая глава содержит описание монастырских зданий, скитов, островов и имущества Валаама. При этом излагаются только самые необходимые сведения, указывается точный размер и вид объекта. Автор предлагает не личные впечатления, а реальные и конкретные описания. Здесь же повествуется о внутренней жизни и о замечательных посещениях обители, а также об «особенных случаях и чудотворениях».

В целом, книга предназначена как для паломников, путешествующих на Валаам, так и для исследователей, занимающихся изучением монастыря. Кроме этого, рассказы о жизни святых, об ус-

таве обители преследуют и дидактическую цель.

Задача Зайцева скромнее – рассказать о своем пребывании на Валааме, поделиться впечатлениями об увиденном. Очерк предназначался для светской аудитории, этим обусловлен и метод писателя – «не «разъяснять» отдельные моменты монашеского жития, а дать читателю возможность почувствовать этот мир, пережить вместе с автором минуты тихого созерцания»[5, с.156].

В книге много пейзажных описаний. Автор восхищается красотой острова, поэтической природой и тем особым настроением, которое охватывает посетителя этих мест: «Очаровательны такие монастырские дороги – на Афоне ли, на Валааме – меж лесов, в благоухании вечера наступающего, в тишине, благообразии святых мест. Незаметно будто бы, но нечто входит и овладевает путником»[2, с.166]. Природа Валаама особенно дорога писателю еще потому, что напоминает русскую: «Ведь это все мое, в моей крови, я вырос в таких именно лесах, с детства все знаю: горький аромат хвои, песчаные колени, комариков, выходящих за тобой, <...> и белку, метнувшую рыжим хвостом, проскакавшего зайца»[2, с.194-195]. Но подлинный свет Валаама – насельники острова. Зайцев создает целую галерею образов монахов и послушников, отмечает их «глубокую внутреннюю воспитанность»[1, с.172], заставляет читателей проникнуться почтением и симпатией к этим людям.

Истории и хозяйственному устройству монастыря писатель уделяет довольно скромное место. Зайцев описывает только то, что видел сам, к чему прикоснулся. Сведения о прошлом обители изложены тоже кратко. В очерке гораздо больше рассказов о событиях современной жизни Валаама: об умершем недавно мальчике, о французенке, назвавшей монастырь «раем», о сестрах-американках, приехавших в обитель на два дня и оставшихся на три месяца. Все эти эпизоды, на первый взгляд, совсем не важные, не идущие ни в какое сравнение с такими темами, как, например, посещение монастыря членами царской семьи или деятельность игуменов Назария и Дамаскина, не случайно привлекают внимание автора. В этих малых событиях раскрывается внутренняя суть Валаама, что и является главной задачей писателя.

В то же время, в очерке есть глава, целиком связанная с историей монастыря. В ней повествуется о посещении Валаама императором Александром I. Глава «Александр на Валааме» отличается от остального текста очерка и по содержанию, и по стилю, который становится более строгим, по особому поэтичному, сближается с агиографической традицией.

В примечаниях к первой журнальной публикации очерка Зайцева «Валаам» Е. Воропаева указывала, как на основной источник главы «Александр на Валааме», на редкую брошюру «Государь император Александр I на Валааме, в августе 1819 года» (Царское Село, 1858), «содержание которой изложено во всех книгах о Валааме» [3, с.76]. Эта брошюра упоминается и в книге «Валаамский монастырь и его подвижники» [1, с.380]. Однако есть основания полагать, что именно книга легла в ос-

нову главы «Александр на Валааме». Так, сведения об игумене Иннокентии и схимонахе Николае взяты, несомненно, из книги «Валаамский монастырь и его подвижники», причем не из главы, посвященной Александру, а из других глав, и повторяют текст оригинала практически дословно. Сравним: у Зайцева об Иннокентии: «<...> на себе таскал кирпич для стройки и трудился на рыбных ловлях»[2, с.177]; в монастырском издании: «<...> на своих плечах носил он кирпич на строящееся здание монастыря, трудился на рыбных ловлях»[1, с.160]. Рассказывая о схимонахе Николае, Зайцев приводит точную цитату из книги «Валаамский монастырь и его подвижники», и дает ее в кавычках: «Жизнь его протекла в трудах и непрестанной молитве»[2, с.180] [Ср.1, с.210]. Сопоставление двух вариантов описания одного и того же события позволяет выявить некоторые важные особенности поэтики Б. Зайцева, которые отличают его очерк от монастырской летописи.

Оба отрывка начинаются с одних и тех же слов: «В августе 1819 года», и затем повествуют о подготовке к встрече Александра. Однако авторы по-разному описывают этот эпизод. В монастырском издании подробно говорится о приготовлении к визиту Государя, о недоумении, в котором пребывал игумен, не зная, как встречать Александра: «с подобающей честью» или, по воле самого гостя, как простого путешественника. В итоге указывается, что было решено встретить императора «в ризах и со крестом на пристани»[1, с.380].

Зайцев излагает всю эту информацию более кратко, но вводит в текст небольшое отступление об игумене Иннокентии, где делает попытку объяснить его решение: «Иннокентий сам был простым человеком, из крестьян Олонецкой губернии. <...> Наверно, и в других ценил простоту. Все-таки император Александр, победитель Наполеона, властелин России и Европы <...>. Поколебавшись, посоветовавшись между собой, решили встретить по-настоящему»[2, с.177]. Таким образом, Зайцев стремится «очеловечить» героев повествования, приблизить их к читателю, сделать более понятными и, в результате, приобщить читателя к описываемым событиям.

Описывая сцену встречи императора, автор валаамского издания ограничивается простым изложением фактов. Зайцев же при характеристике этого эпизода прибегает к аналогии из Священного Писания: «вышло как бы и по-евангельски: жених явился «во полунощи», а светильники их погасли. Его не встретили»[2, с.178].

Дальнейшие события излагаются в обеих книгах в одинаковой последовательности. Совпадают многие подробности, иногда даже выражения. Вот, например, как описывает осмотр Александром обители автор монастырского издания: «<...> дойдя до горы, <...> Государь почувствовал одышку – «всходя на гору, я всегда чувствую одышку, – сказал он; – еще при покойном Государе я расстроил себя, бегая по восемнадцати раз с верхнего этажа вниз по лестнице» [1, с.384]. У Зайцева в этом случае читаем: «Государь шел пешком, подымаясь на изволок, слегка задохнулся. – Всходя на гору, всегда чувствую одышку, – сказал благо-

чинному Дамаскину, сопровождавшему его. – Еще при покойном императоре я расстроил себя, бегая по восемнадцати раз с верхнего этажа вниз по лестнице»[2, с.180].

Тем большую значимость приобретают различия, встречающиеся в обеих книгах. Разница обнаруживается, в частности, в изображении самого Александра I. Автор монастырского варианта называет императора не иначе как «Государь» и ко всем его действиям прибавляет слово «изволил». Зайцев, конечно, называет высокого гостя только «Александр» и слово «изволил» не употребляет. В валаамском издании действия императора не подвергаются оценке. Его слово – закон. Автор не дерзает размышлять о причинах того или иного поступка Государя. В очерке Зайцева автор, хотя и очень осторожно, старается постигнуть причины действий Александра, который интересен писателю не только как великий государственный деятель и полководец, но и как человек. Зайцев делает попытку понять переживания Александра, вызванные посещением Валаамского монастыря: «Эти минуты в бурную валаамскую ночь на паперти перед храмом, в который не мог он еще войти, были для него, вероятно, не совсем обычны»[2, с.178]. Вместе с тем, в изображении Зайцевым личности императора нет психологизма. Писатель избегает проникновения во внутренний мир своего героя, почтительно останавливается перед той областью жизни, которая сокрыта от посторонних глаз: «Он (Александр – М.В.) приехал, действительно, богомольцем. Что принес с собой в сердце, уже столько пережившем? Мы не знаем»[2, с.179].

В книге «Валаамский монастырь и его подвизники» для автора главным действующим лицом является обитель, а посещение императора – одна из страниц истории монастыря, хоть и знаменательная. Поэтому все, что находится за границами жизни Валаама, не привлекает внимания повествователя. Его отношение к Государю основано на глубоком почтении, но лишено личного интереса.

Зайцев, напротив, проявляет к Александру самый живой интерес. В главе, посвященной Государю, автор от паломнической литературы переходит к биографическому жанру. Для писателя важна не только история монастыря, но и личность русского императора, поскольку и Валаамская обитель, и Александр I являются для Зайцева разными частями одного целого – образа горячо любимой им России.

Различен и стиль изложения в обеих книгах. В монастырском варианте используется летописный стиль: спокойный, ровный, подробный. Автор не уклоняется от главного предмета описания, обстоятельно излагая факты, не забывая о деталях. Вместе с тем, и здесь заметно влияние агиографической литературы: создается образ идеального правителя, используются риторические приемы, украшающие повествование и восхваляющие Александра: «Подобные явления благочестия, веры и кротчайшего смирения могущественного и славнейшего из государей в пустынной обители, на уединенном острове, может ли не быть записано и в книгах небесных?»[1, с.389].

В очерке Зайцева факты излагаются не менее подробно, но в целом, стиль более лаконичен, хотя

и не лишен некоторой возвышенности, поскольку события изображаются с отстраненной, вневременной точки зрения. Перед «вечными словами вечной книги»[2, с.182] нет различий между эпохами и сословиями. Александр показан не правителем и полководцем, а человеком с мятущейся душой, ищущей покоя. За этим он приехал на Валаам, за этим, быть может, приезжал туда и автор. Государь хотел быть на острове только путешественником, и Зайцев подчеркивает это, неоднократно называя Александра «странником». Эта черта сближает императора с самим писателем и со многими его героями: «Странник» – название книги дневниковых записей Зайцева, «Путешествие Глеба» – его автобиографическая тетралогия.

Иногда Зайцев описывает какую-либо подробность, деталь жизни и быта обители более обстоятельно, чем автор монастырского издания, поскольку выполняет роль не только летописца, но и экскурсовода, желающего познакомить с миром монастыря своих светских читателей: «с давних пор зажигался ночью в часовне фонарь – окна выходили во все стороны и фонарь служил маяком»[2, с.178].

В монастырском варианте все излагаемые события составляют один временной пласт. Автор рассказывает о прошлом, не упоминая о настоящем. Очерк Зайцева отличается тем, что в нем взаимодействуют два времени: – время визита Александра и время визита самого писателя. В ходе повествования нередко сравниваются прежний и нынешний облик монастыря, проводятся между ними параллели: «потом (Александр – М.В.) пил чай у игумена, в той же небольшой, но тихой и чистой квартирке с цветами <...>, где и теперь живет игумен, только теперь длинный ряд портретов игуменских <...> украшают соседнюю с гостиницей комнату»[2, с.179]. Есть в книге Зайцева и упоминание о событиях, происшедших в жизни императора до его приезда в обитель: «<...> и тогда под окнами были густолиственные деревья, мрачно они шумели, как и в ту ночь, страшную и роковую, что принесла ему раннюю корону»[2, с.179].

Вместе с тем, различие между двумя временными пластами практически стирается; в описании давно прошедших событий используются выражения, близкие и современному человеку, которые приближают прошлое, делают его более понятным: «крохотная келийка, подлинно, избушка на курьих ножках, где обитал добрый дух в виде старичка Николая», «оконце игрушечное»[2, с.180], «жизнь есть жизнь»[2, с.181] и др.

В валаамском издании практически нет пейзажных описаний. Указание на внешний вид местности или погоду допускается лишь в том случае, когда природа становится действующим лицом, влияет на события. Например, непогода стала причиной того, что императора не встретили на острове: «на озере в это время был весьма сильный противный ветер и посланный с письмом не мог попасть в обитель»[1, с.381].

В зайцевском варианте описаний природы тоже очень немного, они помещены в других главах его очерка. Но даже эти редкие фрагменты пейзажных описаний более подробны и эмоциональны, чем в монастырском издании: «Сумрачно было

на Ладоге 10 августа 1819 года! Тучи, такой сильный ветер, такая волна, что государь в Сердоболе спросил даже Арсения, можно ли в такую погоду выезжать?»[2, с.178].

Проведенное сопоставление очерка Бориса Зайцева «Валаам» и книги «Валаамский монастырь и его подвижники» позволяет сделать следующие выводы:

1. Выявленное сходство композиции главы очерка «Александр на Валааме» и соответствующей главы книги, заимствование сведений и наличие точных цитат дают основание с уверенностью утверждать, что именно эта книга была одним из источников в работе писателя над очерком.
2. Поэтика очерка складывается под влиянием как церковной, так и историографической традиции, органично вписывающихся в индивидуальную художественную манеру автора. Определяющие черты поэтики Зайцева: отсутствие психологизма в изображении героя; особый лиризм, при отсутствии стилизованных излишеств; изображение событий с отстраненной точки зрения; использование аналогий из Священного Писания.

Вечканова Э.Ю.

ПРОБЛЕМЫ КРИТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В РАБОТАХ Н. ФРАЯ.

В связи с тем, что современное зарубежное литературоведение состоит из многочисленных, часто враждующих между собой школ, каждый его представитель вынужден определить если не то, к какой из этих школ он принадлежит, то, во всяком случае, обозначить свои исследовательские ориентиры. Что касается Н. Фрая, то он не только обозначил эти ориентиры, но и разработал весьма детальную теорию литературной критики. Почти в каждой из своих многочисленных литературоведческих работ он в той или другой степени затрагивает проблемы критической методологии. Это касается исследования творчества У. Блейка и «Анатомии критики». В самом начале последней, в «Полемическом введении», Н. Фрай кратко формулирует свое понимание сущности литературной критики, ее целей и задач, а также определяет ее место в ряду других гуманитарных дисциплин.

Цель статьи – рассмотреть проблемы критической методологии в работах Н. Фрая.

Для реализации поставленной цели необходимо выполнить несколько задач:

- проанализировать основные положения литературной критики Н. Фрая;
- рассмотреть принципы мифологической критики Н. Фрая.

При работе над статьей использованы работы Дж. Вико, И.Л. Галинской и Б.А. Гиленсон [1, 2, 3].

В своем понимании литературной критики Н. Фрай исходит из следующих фундаментальных положений:

1. Как и художественная литература, критика является искусством. Причем в понятие «крити-

Изучение особенностей поэтики Б. Зайцева необходимо продолжить на материале других произведений писателя, сравнивая их с образцами различных жанров церковной литературы.

Источники и литература

1. Валаамский монастырь и его подвижники. – 3 издание, исправленное и дополненное. – СПб.: Типо-Литография И. Генералова, 1903. – 448с.
2. Зайцев Б. К. Валаам // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. – Т. 7 (доп.). Святая Русь. – М.: Русская книга, 2000. – С. 153–196.
3. Воропаева Е. Примечания к очерку Б. Зайцева «Валаам» // Литературная учебн. – 1991. – Книга первая. – С. 75–76.
4. Любомудров А. М. Книга Бориса Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» // Литература и история. – СПб.: Наука, 1992. – С. 263–280.
5. Любомудров А. М. Монастырские паломничества Бориса Зайцева // Русская литература. – 1995. – № 1. – С.137–158.

ка» Н. Фрай включает и то, что в отечественной науке именуется «литературоведением».

2. Будучи искусством, критика должна «свободно витать» над предметом своего исследования, то есть над художественной литературой. Этим Н. Фрай подчеркивает творческую природу критики.
3. Критика является не просто частью гуманитарной культуры, а ее «центральной частью».
4. Критика не является чем-то «вторичным» по отношению к художественному творчеству, как считали в XIX в. Эту мысль иногда высказывают (особенно поэты) и в наше время. Однако это, утверждает Н. Фрай, не так: критика представляет собой автономную дисциплину и не является «служанкой» художественного творчества. Критика представляет собой структуру знания, развивающуюся по своим собственным законам существования и обладающую значительной степенью независимости от художественного творчества.
5. Критик-профессионал всегда оценит художественное произведение более глубоко и тонко даже по сравнению с тем, что может сказать о своем произведении сам автор. Как правило, утверждает Н. Фрай, поэт не способен верно, «в перспективе», оценить не только свои собственные произведения, но и произведения других авторов, навязывая им свой собственный субъективный вкус. Поэтому то, что пишет один поэт о другом, может служить лишь документом, который должен быть проанализирован профессиональным критиком